

ственных преступлений ЭЗ занимает одно из ведущих мест. С его действием связано и то, что преступники подробно запоминают ситуации преступлений, и то, что они имеют необыкновенную тенденцию возвращаться на место преступления и (что связано именно с возвращением) совершать новые эпизоды в достаточной пространственной близости от предыдущих.

По данным В.Н. Исаенко, «более 85 % серийных убийств, выявленных в Российской Федерации в 1995–2004 гг., имели достаточно четкую привязку к одному и тому же участку открытой местности, к одному и тому же жилому массиву, району, а также иному пространству с поддающимися определению границами»¹. Этот автор пишет о том, что «подобная локализация мест совершения однотипных преступлений давно рассматривается криминалистами как одно из оснований версии о совершении их одними и теми же лицами»². Полученные данные используются в практической деятельности органов полиции³. С учетом рассматриваемого феномена незавершенных действий можно предполагать, что правоохранные органы в состоянии рассчитать примерный «ареол» деятельности лица, совершающего серийные насильственные преступления, и использовать в дальнейшем эту информацию для организации засад и иных форм поимки преступника. В Липецкой области на протяжении 1998–2001 гг. совершено 17 убийств молодых женщин, сопряженных с изнасилованиями, оставшихся нераскрытыми (Прим. авт. – Серийные преступления внезапно прекратились, причины неизвестны). При этом было установлено, что места обнаружения трупов – лесные массивы и лесополосы на окраинах г. Липецка, расположенные вдоль единой огибающей город автотрассы Тамбов – Орел – Липецк – Усмань. Трупы были найдены на расстоянии от 0,5 до 4 км. Все жертвы были обнажены, обнаружены в похожих позах, одежда и ювелирные украшения отсутствовали. Причина смерти практически всех потерпевших – механическая асфиксия в результате сдавливания шеи петлей (возможно, предметами одежды погибших). В то же время правоохранные органы располагали информацией о том, что внешность жертв – однотипна, сходны места первичного контакта потерпевших с преступником – центральные улицы г. Липецка, время – вечернее и ночное (23:00 – 03:00), ситуация – преступник останавливает автомашину, предлагая (соглашаясь) подвезти девушку домой. Исходя из данной информации и, что очень важно, в контексте нашей статьи, основываясь

¹ Исаенко В.Н. Проблемы теории и практики расследования серийных убийств. М., 2005. С. 138.

² Там же. С. 138–139.

³ Протопопов А.Л. Расследование сексуальных убийств. СПб., 2001. С. 33.

на ЭЗ, правоохранные органы, как представляется, могли своевременно пресечь данную серию убийств, организовав тактическую операцию с так называемыми «подсадными» (специально подготовленными сотрудниками правоохранных органов, выступающими в роли потенциальных «жертв») и организацией круглосуточных дежурств, при необходимости – засад, так как, напомним, радиус «разброса» (оставления трупов) составлял от 0,5 до 4 км вдоль единой трассы.

В отечественной криминалистической литературе причины возвращения преступника на места совершенных им преступлений объясняются в основном двумя факторами: некрофильские наклонности преступника и в связи с этим желание производить различные манипуляции с трупом; рациональное объяснение, состоящее в том, что преступник стремится «контролировать» деятельность правоохранных органов, проверяя, обнаружены ли трупы жертв, производятся ли неотложные следственные действия, в частности, осмотр места происшествия, и часто, находясь в толпе любопытствующих, делая выводы о своих просчетах, объеме работы, произведенной правоохранными органами, и ставшей известной им информации.

Как нам представляется, феномен незавершенных действий является еще одним очень важным объяснением действий лиц, совершающих серийные насильственные преступления, в контексте его психологической составляющей. Эффект Зейгарник подлежит дальнейшему серьезному изучению в рамках рассматриваемой темы, и с учетом комплексного подхода к раскрытию и расследованию серийных насильственных преступлений может существенно оптимизировать деятельность правоохранных органов в этом направлении.

УДК 539.37

В.В. Шульга, кандидат психологических наук, доцент

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ПРОФДЕФОРМАЦИИ ЮРИСТА

Человек с момента рождения формирует в процессе жизнедеятельности разнообразные навыки функционирования в социуме, выработанные социальным окружением. При этом в жизни каждого социум выступает многоаспектно: как естественная среда обитания, как культурный фон, как прямые требования, санкции и критериальные условия профессиональной деятельности, как стереотипы и нормы поведения. Становление человека как личности и как субъекта своей жизнедеятель-

ности немыслимо вне и без освоения и присвоения им мощных пластов социальных накоплений человечества, вне и без широкой сети как прямых, так и опосредованных межличностных взаимодействий.

Влияние социальной среды на личность настолько велико, что, преломляясь через призму индивидуальных особенностей, оно находит отражение и в субъектных характеристиках человека. Особенности проявления личностных характеристик, иерархии мотивов, профессиональной направленности в течение жизни и деятельности индивида детерминируются различными переменными и прежде всего социальным окружением личности. Л.П. Буева подчеркивает, что «личность формируется в известной степени „по образу и подобию“ типичных социальных отношений».

Анализируя субъективные факторы, влияющие на процесс профессионального становления специалиста, можно выделить две наиболее значимые группы. В первой находятся его собственные мотивационно-ценностные ориентации и ожидания от самого себя как профессионала. Ко второй относятся ожидания и оценочные суждения представителей его непосредственного социального окружения: коллег, администрации, клиентов, подчиненных, которые интериоризируются специалистом юридического профиля в процессе социального взаимодействия и общения.

Здесь необходимо вспомнить о таком понятии, как «организационная культура» (или «корпоративная культура», или «психологическая культура организации»). Это понятие хорошо известно в психологии управления и определяется Р. Рюттингером как система коллективно разделяемых и принимаемых ценностей и способов деятельности. Пребывание юриста в любой организационной структуре, выполнение им своих профессиональных обязанностей в иной профессиональной среде накладывает свой отпечаток на формирование его личности. Не вдаваясь в детализацию отношений между юристом и организацией, юристом и администрацией, юристом и коллективом, отметим лишь, что эти отношения далеки от идеальных. Конформизм неизбежен, если юрист намерен продолжать работать в данной организационной структуре.

Считается, что конформность функциональна с точки зрения достижения группой общей цели. Каузальная структура этого феномена такова. Власть других людей, дающая право награждать или наказывать (т. е. принимать в группу или отвергать), порождает у индивида потребность в социальном одобрении и боязни оказаться не таким, как они. Человек будет стремиться оправдать ожидания группы или подчиниться другим формам группового давления, проявляя конформность по отношению к группо-

вой норме. Существует немало доказательств того, что люди создают социальные нормы и проявляют конформность по отношению к ним, что социальным контактам присущи различные формы влияния и скрытого принуждения к согласию даже без каких-либо специальных приказов повиноваться при очевидной принадлежности к данной группе.

Можно обозначить и другую линию анализа проблемы, применительно к конкретному работнику юридического профиля – важно разобраться, о чем идет речь: о соотносении себя с представителями конкретного трудового коллектива, или о соотносении им себя с социально-профессиональной группой. Дело в том, что соотносимость себя с социальной группой предполагает видение себя в качестве носителя определенных ценностей и образа жизни, не всегда связанных с самой профессиональной деятельностью.

Этот экскурс в социальную психологию имеет одну цель – подчеркнуть влияние внешних социальных установок и ценностей на формирование личности юриста, работающего в том или ином коллективе.

Ценности среды, как правило, имеют объективную референцию в действительности и непосредственно обеспечивают жизнедеятельность индивида и благорасположенность окружающих. Явные и неявные культурные ценности фактически усваиваются через ежедневное подчинение сформированным обычаям, законам и организационным нормам. Таким образом, адаптация к реальной социально-экономической действительности, требованиям организации имеет для специалиста не менее важное значение, чем ценности профессии, декларированные на официальном уровне. Погруженный в чужую профессиональную среду, имеющую иные цели и ценности, юрист не всегда может оставаться верным своей профессиональной позиции. Это не означает, что цели и ценности сотрудников организации плохие или неправильные. Они другие и, видимо, должны быть другими в силу разницы между профессиональными задачами.

Само пребывание юриста в той или иной организации обусловлено тем, что своими личностными качествами он релевантен требованиям, существующим в этой организации к личности профессионала любого профиля.

Участие людей в общей трудовой деятельности, обладающей общими признаками, ведет к формированию у них сходных черт личности. Профессионализация субъекта деятельности детерминируется различными переменными, и прежде всего его социальным окружением, следовательно, общая обстановка в конкретной организации будет накладывать свой отпечаток на формирование личности юриста. Чем

дольше он будет работать в учреждении, тем в большей степени будет проявлять необходимые черты характера для того, чтобы вписываться в организационную структуру, какой бы специфической она ни была.

Закономерно возникает вопрос о профессиональной адаптации юристов и сохранения их профессионального долголетия. Перспективным в этом плане будет разработка и использование разнообразных видов социальной, профессиональной поддержки, предупреждающих деструктивный путь развития специалиста. Очевидна необходимость дальнейшей работы над проблемой профессионального развития юриста, связанная с процессом подготовки специалистов юридического профиля в вузах и затрагивающая образовательные и воспитательные технологии.

УДК 002.2(571)

Т.А. Вилюжанина, кандидат психологических наук,
доцент

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ГИБКОСТЬ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЮРИСТА

Профессиональная деятельность юриста отличается рядом специфических особенностей: четкая регламентация законом, нормами права, высокая эмоциональная напряженность, экстремальный характер, властный характер профессиональных полномочий, чрезвычайно широкий диапазон решаемых задач и т. д. Юридическая деятельность весьма разнообразная и сложная, требует не только высшего образования, целого ряда профессиональных знаний, навыков и умений, но и предъявляет к личности юриста комплекс разнообразных требований, на основании которых создаются психogramмы различных юридических профессий и специализаций, где перечислены профессионально значимые свойства и качества, обеспечивающие эффективность правоохранительной деятельности.

В настоящее время особую актуальность, на наш взгляд, приобретают вопросы включения в психogramмы и активизации такого профессионально важного качества юриста, как интеллектуальная гибкость. Деятельность юриста полифункциональна, а эффективная реализация многочисленных профессиональных функций возможна, если будут созданы условия и механизмы развития интеллектуальной гибкости, являющейся, на наш взгляд, необходимым элементом личности юриста, во многом определяющим успешность его деятельности. Каждое новое дело для следователя, прокурора, судьи, адвоката представляет собой

новую задачу, юристу постоянно приходится сталкиваться с различными жизненными ситуациями, судьбами разных людей, анализировать возникшие правоотношения.

Чтобы квалифицированно и адекватно оценивать те или иные действия, решать тот или иной вопрос, юристу необходимо обладать достаточно развитой интеллектуальной гибкостью. Отсутствие интеллектуальной гибкости характеризуется инертностью, ригидностью, консерватизмом, что может привести к негативным явлениям – профессиональной стагнации, а также к профессиональным кризисам и профессиональной деформации. Юрист, у которого не развита интеллектуальная гибкость, испытывает трудности в своей работе, часто не готов к большим интеллектуальным нагрузкам, избегает ситуаций принятия решений, с трудом меняет свое мышление и поведение.

Со стажем работы в юриспруденции при низком уровне интеллектуальной гибкости у субъекта юридической деятельности возрастает стереотипность, шаблонность мышления, закрепляются защитные психологические реакции, ведущие к снижению критичности, повышению авторитарности, неспособности принять иную, отличную от его, точку зрения, ригидности. Все это снижает эффективность юридической деятельности, поэтому одной из наиболее актуальных научно-практических проблем является выявление условий и факторов, детерминирующих развитие интеллектуальной гибкости юриста.

В научной литературе интеллектуальную гибкость рассматривают в аспекте общепринятой трехкомпонентной структуры психологической гибкости личности, которая представляется в виде совокупности эмоциональной, когнитивной (интеллектуальной) и поведенческой гибкостей. Психологическая гибкость трактуется как интегративное, обобщенное понятие, характеризующее систему внутренних качеств, определяющих оптимальную позицию субъекта (Л.М. Митина, 2003). Это сложное многомерное психическое образование, сочетающее в себе содержательные и динамические характеристики, обуславливающие способность субъекта легко отказываться от несоответствующих ситуаций и способов поведения, приемов мышления и эмоционального реагирования и вырабатывать или принимать новые, оригинальные подходы к разрешению проблемной ситуации при неизменных принципах и нравственных основаниях жизнедеятельности. Гибкость определяют такие понятия, как подвижность, пластичность, текучесть, изменчивость, лабильность, широкий набор поведенческих реакций, нестандартность решений (Л.Э. Завалкевич, 2002).

Анализ литературы дает возможность дифференцировать понятия «гибкость мышления» и «интеллектуальная гибкость»: гибкость